

Бытия /как границы, горизонта, "трансцендентного означаемого"/, его ограничивающего, и выставление его границам, которые стирает этот трансцендентальный горизонт.

1. Хайдеггер М. Преодоление метафизики. // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С.214.

Е.Г.Трубина
г. Екатеринбург

ПОВЕСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ "НЕКЛАССИЧЕСКОЙ" РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ИДЕИ Х.АРЕНДТ

Распространенная прежде уверенность в непреложности эволюции обществ и индивидов по направлению ко все более научным представлениям о себе основательно сменяется в наши дни пониманием сущности тех форм рациональности, которые укоренены в опыте, языке, в установлениях данной культуры.

В связи с этим неслучаен все более пристальный интерес, который вызывает к себе нарратив, повествование и в качестве самостоятельного объекта исследования, и в качестве формы организации социально-гуманитарных исследований. Констатируется, что существенными причинами кризиса универсалистски-рационалистических научных представлений и исследовательских стратегий стали исчерпанность позиции исследователя как незаинтересованного наблюдателя, а также недостаточность теории истины как корреспонденции, необходимость дополнения ее теорией истины как когеренции. В силу этого на передний план выходит фигура исследователя, исходящего из конкретного, специфического, исторического контекста и рефлексивно помещающего себя в него. А образ человека, рассказывающего истории по матрицам, задаваемым культурой, становится основой подхода, общего для юриспруденции и психоанализа, исторического познания и литературной критики, семиотики и философии.

В истории социально-гуманитарного знания и философии XX века то или иное отношение исследователей к жизненному миру, к феномену повседневности, к реалиям современной истории оказалось связанным с противостоянием объективистски-натуралистских и антинатуралистских парадигм. В этом отношении показательна позиция выдающегося философа политики Х.Арендт. Жизненный опыт еврейки – немецкого интеллектуала, вынужденной эмигрировать в США и ставшей там одним из самых уважаемых политических мыслителей своего времени, обусловил ее обостренное чувство, что существование Освенцима есть радикально новое и немыслимое событие в истории западной цивилизации. Арендт полагала, что при определенных исторических обстоятельствах, обозначенных ею как "темные времена", даже наиболее правдоподобные теории теряют свою роль в человеческом знании. Однако отсюда не следует невозможность понимания. Овладеть прошлым, постичь его уроки можно, если будет пересмотрена традиционная роль теорий. Арендт настаивала на том, что подлинно критическое осмысление жизни общества и личности, а также тех деформаций, которые они претерпевают в силу двух главных событий, никак не предвиденных социальной

наукой, тоталитаризма и Холокоста, возможно как раз на основе персонального опыта мыслителя. Это предполагает понимание теории не столько как обоснования объективных фактов с помощью абстрактных принципов, сколько как проводящей истории события или ситуации, рассказанной с разных точек зрения, но так, чтобы речь шла об индивидуальных человеческих существах. Опыт последнего столетия ставит каждого исследователя перед моральной дилеммой объективизма и релятивизма. Бесспорно, универсалистски-объективистские притязания традиционной метафизики продемонстрировали свою ограниченность, но и релятивизм не менее проблематичен. Особенно далеки от традиционного понимания научного метода две характеристики предлагаемого Арендт пути. Первая – представления о том, что научное объяснение радикально связано с определенным периодом времени: исторические обстоятельства определяют не столько характер объяснения, сколько самое его возникновение. Это противоречит принятому в позитивной науке обыкновению отделять теорию от обстоятельств ее возникновения. Согласно Арендт, "неважно, сколь абстрактно могут звучать наши теории или сколь последовательными могут оказаться наши аргументы, за ними лежат случаи и истории, которые, по крайней мере, для нас самих, содержат, как в скорлупе, полный смысл того, чего бы мы ни должны были сказать. Вторая – утверждение, что нужный для понимания тип личностной добродетели не есть ни научная отчужденность от предмета, обособление от него (которое Арендт называет "объективностью евнуха", "угасанием Я"), ни ум. То, что требуется, это, скорее, способность к объективности в смысле честности и беспристрастности. Мыслителя возмущал тот факт, что столь ценимые западной философской и политической мыслью абстрактные категории права и морали именно в силу своей абстрактности с такой легкостью стали не только предметом нацистских "лингвистических игр" и идеологических манипуляций, но и основанием легитимности тоталитарного режима. С ее точки зрения, тоталитаризм делает "тотальным" именно его способность "фабриковать" реальность, то есть превращать в безоговорочную реальность частную, по своей сути, гипотезу (о возможности мирового господства). Эта способность ставит тоталитаризм "по ту сторону" объективных потребностей, рассматриваемых наукой как составные части реальности. Этический кризис, обусловленный тоталитаризмом, Арендт связывает с феноменом концентрационных лагерей как преступления против самой человечности. Арендт строит свою исполненную парадоксальной образности историю концлагерей как последовательную демонстрацию того, как один за другим были низвергнуты постулаты, составляющие краеугольный камень западной этики, которая исходит из посылки существования автономного индивида, отвечающего за свои действия и идентичного с собой в ходе времени его жизни. С точки зрения Арендт, депортация людей в концентрационные лагеря разрушает эту посылку, систематически попирая три условия существования индивидуальности: право, публичную сферу жизни людей и "рождение", (natality). Эпистемологический кризис, в который тоталитаризм повергает науки, происходит из его способности "создавать" реальность, что обесмысливает традиционный для науки поиск объективности. Выйти из

него можно, если понимать объективность не как абстрактное нейтральное описание какого-либо феномена, но как не скрывающее моральные предпочтения и критические интенции автора рассказывание истории происшедшего, основанное на личных переживаниях и опыте теоретика, так, чтобы воздействовать и усилить моральные способности аудитории. По Арендт, осмыслить, понять опыт этого века – это значит придать ему смысл в форме истории, рассказа. В своей работе "Человек в темные времена она замечает" История вскрывает значение того, что в противном случае того, что в противном случае осталось бы невыносимой последовательностью чистых случаев"

И.А.Латыпов
г. Екатеринбург

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Поиски постклассической парадигмы в условиях всесторонней информатизации общества ведут к тому, что концепции информационного общества во многом определяют тенденции развития постклассической философии. Анализ проблем информационного общества может быть связан с рассмотрением постиндустриального общества как первого в истории информационного общества: "Наш собственный постиндустриальный мир стал первым информационным обществом в истории" Теоретическое рассмотрение проблем информационного общества имеет свое дальнейшее развитие в концепции постинформационного общества.

Кроме того, можно рассмотреть постклассическое формирование концепции постинформационного общества: ин-формирование, ин-формацию, пост-ин-формационное общество, – в продолжение линии классического рассмотрения Вебером рациональности как исчислимости всего, что только не есть ничего.

"Избыточные" информационные структуры ноосферы сменяют генетические структуры биосферы. Во многом именно подобие системы генетической информации ДНК и информационных структур социальной организации натолкнуло Бодрийяра на его концепцию постинформационного общества. "Виртуальная эра" постинформационного общества Бодрийяра приходит на смену ушедшим "устному", "письменному" и "книгопечатному обществам" Маклюэна. С этим процессом параллельно идет отход от рассмотрения темы символического обмена и дара в классической философии. Киберпространство, в котором сейчас витает только компьютерные "хакеры", становится информационным пространством социально-культурного и социально-экономического развития постинформационного общества. Одной из основных его характеристик уже стала компьютерная "грамотность в информационном обществе" На этом основано производство информации, являющееся новым хребтом (backbone) информационного общества, в отличие от промышленного производства индустриального общества. Образование и наука определяют уровень производства информации и степень развития информационного общества. Социально-философский анализ его